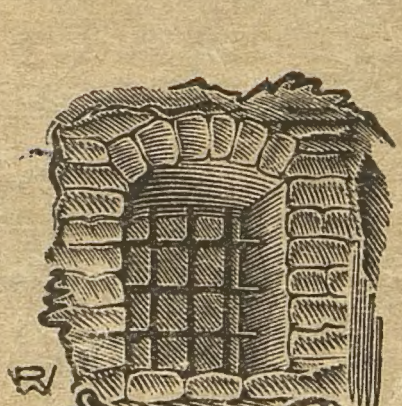
Б42 3/93

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА И ССЫЛКА“

Ю. БОЧАРОВ

Евгений Осипович ЗАСЛАВСКИЙ

ОСНОВАТЕЛЬ „ЮЖНО-РОССИЙСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ“



№ 8

МОСКВА
1926

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

№ 8

Ю. БОЧАРОВ

Б 42 3/93

ЕВГЕНИЙ ОСИПОВИЧ ЗАСЛАВСКИЙ

ОСНОВАТЕЛЬ «ЮЖНО-РОССИЙСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ»

С ПОРТРЕТОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ.

Москва—1926

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
52196-26 V

Москва. Главлит № 63.742. 16.000 экз.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

Евгений Осипович
ЗАСЛАВСКИЙ

Имя Евгения Осиповича Заславского занесено на одну из первых страниц истории русского рабочего движения. Ни по происхождению, ни по профессии Заславский, однако, не принадлежал к рабочим. Но он тесно связал свою судьбу с первой возникшей в России классовой пролетарской организацией. Он явился ее создателем и руководителем, он воспитал ряд учеников, понесших в пролетарские массы идеи освобождения рабочих, он погиб за дело рабочего класса в борьбе с самодержавием. Той же дорогой несколько позже пошли многие другие русские интеллигенты. Выходцы из рядов буржуазии, они поняли, что будущее принадлежит только пролетариату, и решительно стали на его сторону в борьбе с капитализмом и русским политическим строем. Заславский был первым из них. Был первым в ту эпоху, когда народничество безраздельно властвовало над умами русской революционной интеллигенции, когда нужно было еще слишком много проницательности для того, чтобы заметить, где начинает розоветь заря освобождения трудящихся. Ему и принадлежит бесспорная честь—быть помянутым потомками на ряду с теми передовыми рабочими, которые в России первыми выходили на борьбу с общественным и политическим строем.

* * *

Родился и вырос Евгений Осипович в среде господствовавшего класса, в старинной дворянской семье, причислявшей себя к одному из тех многочисленных русско-литовских родов, которые вели свое происхождение от Гедеминовичей, сыновей великого князя литовского Гедемина. Отец Евгения Осиповича—Иосиф (Осип) Федорович—по дворянскому обыкновению служил в армии, был участником севастопольской кампании 1854—55 г.г., после того—окружным генералом Воронежского и Саратовского округов. Мать, урожденная Доливо-Добровольская, воспитывалась в наиболее аристократическом из женских учебных заведений XIX века—в знаменитом Смольном институте.

Семья Заславских была очень велика. Племянник Евгения Осиповича—Н. П. Мартыновский—рассказывает, что детей у Заславских было, кажется, 22[1]). Многие из них умерли рано. Год рождения Евгения Осиповича точно пока не установлен. По данным жандармского дознания, производившегося в Одессе в 1875—76 г.г., Заславскому в то время было 31 год, следовательно, он родился в 1844 или 1845 г. Некоторые имеющиеся в литературе указания относят время его рождения даже к 1840 году. Об его детстве не сохранилось почти никаких сведений. Известно, что Заславские жили в Саратове. Несмотря на свою принадлежность к аристократии, семья была небогата, и большинство детей воспитывалось в учебных заведениях на казенный счет. Евгений Осипович попал в Воронежскую гимназию, по окончании которой поступил в высшее учебное заведение.

---

[1]) Н. П. Мартыновский. «Дядя Женя» (в сборн. «Южно-Российский Союз Рабочих» 1924 г., стр. 139).

Несколько сбивчивы сведения и об его студенческих годах. По словам Н. П. Мартыновского, Евгений Осипович поступил в Петровско-Разумовскую земледельческую академию в Москве. Другие данные говорят о том, что он слушал лекции в Технологическом институте в Петербурге, но курса не окончил[1]). Сам Заславский, как вспоминает один из участников «Союза», П. В. Владыченко, рассказывал о себе, что он, окончив университет по естественному отделению, уехал в деревню, но потом, убедившись, что не обладает необходимыми для работы здесь юридическими познаниями, вернулся в университет на юридический факультет[2]). Во всяком случае, пребывание Евгения Осиповича в стенах высшей школы не ограничилось одним учебным заведением. Вызывалось это отнюдь не какими-либо соображениями о карьере. Заславский, несомненно, стремился использовать всякую возможность приобрести знания, необходимые ему в дальнейшем. Впоследствии он высказывался, что «самым существенным в нашей практике должна быть такая деятельность, которая имела бы под собой почву сознания, а не слепого, бурного порыва. Рабочему человеку, разумеется, некогда и несподручно отдавать на это много времени и углубляться в науку... тем более строгая обязанность лежит

---

[1]) И. Волковичер. «Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше». Ч. I, М, 1925 г. Стр. 7. При этом т. Волковичер ссылается на одно из дел Ленинградского историко-революционного архива, но ошибочно указывает инициал Заславского. О пребывании Заславского в Технологическом институте говорил в своей обвинительной речи на процессе Южно-Российского Союза Рабочих прокурор де-Росси (см. отчет о процессе в сборнике «Южнорусские рабочие союзы», изд. Центрархива. М, 1924, стр, 159).

[2]) П. В. Владыченко. «Памяти учителя» (в сборн. «Южно-Российский Союз Рабочих», стр. 99).

в этом отношении на его руководителях-интеллигентах: они должны знать, обстоятельно знать, что именно служит основанием их проповеди»[1]). Заславский и позже, когда он уже целиком отдался делу организации и пропаганды среди рабочих, по собственному заявлению, изучал социологию, занимался политической экономией. Все эти слова и факты отчетливо рисуют перед нами фигуру человека, искренно любящего науку, кладущего ее выводы в основание своей пропагандистской работы.

Петровско-Разумовская академия и Технологический институт, где слушал лекции Заславский, хорошо известны в истории нашего революционного движения 60—70-х г.г., как рассадники будущих деятелей революции. Вероятно, здесь в студенческие годы Евгений Осипович и пришел к своему революционному мировоззрению. К тому моменту, когда он расстался с учебными заведениями, это мировоззрение в общих чертах, надо полагать, у него уже сложилось. Перед ним во всякое время была открыта служебная карьера. Ее Евгению Осиповичу обеспечивали происхождение, образование, наконец, имевшиеся у родных связи. Однако, по этому пути он не пошел. Какие-то неизвестные нам причины удержали его от этого шага. Думается, это были его революционные убеждения.

Заславский жил в Петербурге, где находилась и одна из его сестер, нигде не служил, а давал уроки и читал лекции, как рассказывает тот же Н. П. Мартыновский. Мы не знаем подробностей об этих лекциях, но можем предположить, что они собой представляли, если припомним, что в начале 70-х годов в Петербурге, в кружке чайковцев, нередко называли так занятия с рабочими.

---

[1]) П. В. Владыченко. Там же, стр. 98.

Заславский пока шел по тому же пути, по какому шли все народники того времени. Как и они, он «пошел в народ». В этом случае он опередил массовое движение пропагандистов в деревню. В 1872 г. в Одессу, где жила его тетка с отцовской стороны, М. Ф. Критская, и куда после смерти родителей переселилась в 1867 г. одна из сестер, Евгений Осипович приехал уже из Полтавской губернии, где жил в местечке Веприк, в имении генерала Колтоновского. Приехал он «в крестьянском платье» и «смазных сапогах», опростившись, как и народники-пропагандисты последующих лет. До того, как задержаться на одном месте, Заславский бродил по деревням. В 1873 г. и позже, живя постоянно в Одессе, он наезжал уже к сестре, которая по выходе замуж поселилась в Тираспольском уезде, Херсонской губернии. Здесь Евгений Осипович всегда приходил на помощь крестьянину, иногда даже выступая защитником в суде по уголовным делам, напр., по обвинениям в богохульстве. При этих наездах Заславского в деревню, как вспоминает племянник, «видимо. букварь не был единственной книгой в его просветительном обиходе» [1]). Из пребывания в деревне Евгений Осипович вынес то же убеждение, какое впоследствии сложилось и у многих народников-пропагандистов на юге после неудачи «хождения в народ»,—он, употребляя позднейшее выражение В. К. Дебагория-Мокриевича, «отрезвился от революционно-народнических утопий[2]). Вера в необходимость «итти в народ» Заславским была изжита. Года два спустя по приезде своем в Одессу, он формулировал свой взгляд на это в таких выражениях: «при россий-

[1]) Н. П. Мартыновский. Там же, стр. 141.

[2]) Вл. Дебагорий-Мокриевич. Воспоминания, 1906, стр. 180.

ских условиях уйти в народ можно с двоякою целью: либо чтобы теперь же поднять его на бунт, либо чтобы подготовить, сорганизовать восстание в будущем, т.-е. войти в жизнь народа заговорщиком. Ни для того, ни для другого время еще не настало, и, кроме того, не пристало социалистам рядиться в карбонарии»[1])... Этот взгляд, к которому его приводил собственный опыт в деревне, и мог послужить для Заславского поводом искать сближения с массами городского фабрично-заводского пролетариата.

С этих пор заканчиваются для него «годы ученичества и странствований». В 1872 г. начинается одесский период его жизни, когда Евгений Осипович уходит в революционную работу исключительно среди пролетариата.

* * *

В начале 70-х годов приморская Одесса с ее почти полуторастатысячным населением была по преимуществу крупным торговым центром, где главную роль в жизни порта играл вывоз хлеба. Промышленная жизнь города по темпу развития значительно отставала от торговой. Но для того времени фабрик и заводов в Одессе было достаточно. Имелись среди них и крупные предприятия с несколькими сотнями рабочих на каждом. В железнодорожных мастерских работало около 1.500 человек. Ремесленников в городе насчитывалось свыше 8.000. Много было матросов и других пароходных служащих. В эти массы молодого пролетариата Евгений Осипович и несет теперь свою революционную энергию.

Нужные связи с рабочими он находит вскоре после своего приезда в Одессу. С 1872 г. среди рабочих

[1]) П. В. Владыченко. Указанная статья, стр. 93.

начинают возникать кружки образовательного характера. Такой кружок в декабре 1872 г. организуют рабочие завода Беллино-Фендериха. С ними занимаются знакомые студенты, преподающие русскую грамматику, арифметику, геометрию. Для занятий на средства слушателей и преподавателей нанимается большая комната. «На этих лекциях,—показывал несколько лет спустя на судебном следствии рабочий Д. Е. Изотов,—каждый учитель говорил только о своем предмете и ничего противозаконного или противоправительственного»[1]). То же показывали на суде другие свидетели. Всем этим показаниям верить можно. Деятельность одесских студентов среди рабочих развертывалась, как культурно-просветительная работа.

Несколько иначе пошло дело, когда в этом кружке в мае 1873 г. появился в качестве преподавателя Заславский. Его вводит сюда кто-то из учащейся молодежи. Несколько раз Евгений Осипович заходит на занятия, присматривается, потом начинает чтение лекций по политической экономии и по истории рабочего класса. «Читал он о труде, капитале, ассоциациях и говорил, что фабриканты эксплоатируют рабочих, а правительство этому покровительствует»[2]). Большего пока Заславский не говорит, но и в этом для рабочих чувствуется новая нотка по сравнению с прежним преподаванием. Лекции Евгения Осиповича некоторым рабочим кажутся трудными, и они перестают их посещать. Зато появляются и новые слушатели. Одна из слушательниц Заславского в начале 70-х годов, девочка-гимназистка, вспоминая занятия по политической экономии, которые он проводил в маленькой группе

[1]) «Южно-русские рабочие союзы». Изд. Центрархива. 1924, стр. 89 (Показание Изотова).

[2]) Там же, стр. 90.

в 8—10 чел. (несомненно, в другом кружке), рассказывает, что на этих лекциях группа превращалась в большую аудиторию. Заславский не ограничивается политической экономией, он читает со своими слушателями «Что делать?» Чернышевского, беседует о прочитанном. Впечатление от этих лекций и бесед огромно. И когда юная ученица Заславского впоследствии слышит о социализме, ей кажется, что все это она давно уже знает, и ново для нее только слово «социализм», «которое никогда не произносилось в школе, и путь к социализму—идея революции, чего мы в школе не касались» [1]). В начале 1871 г. Евгений Осипович читает рабочим лекции уже по всеобщей истории, но доводит их только до изложения истории Римской империи. Этот кружок фендериховцев на Пересыпи—первый кружок Заславского, откуда выходят его лучшие ученики и последователи.

В эти годы Евгений Осипович не исчерпывает своей пропаганды чтением лекций. Вместе с несколькими рабочими-фендериховцами он организует в 1873 г. кооперативную баню. Предполагается, что доходы пойдут на устройство мастерской. Баня, однако, приносит убытки, через полгода ее приходится закрыть, и рабочие теряют свои паи, а Заславский—до 3.000 руб., вложенных в это дело.

Принимает участие Заславский и в создании небольшой библиотеки из легальных книг, которой обзаводятся фендериховцы после окончания лекций в 1874 г., пополняя ее на суммы, составляющиеся из семикопеечных взносов рабочих за чтение. Но одновременно Евгений Осипович занимается распространением среди рабочих и нелегальной лите-

---

[1]) А. Н. Шехтер. «Революционная Одесса в 70-х годах» (в сборн. «Южно-Российский Союз Рабочих», стр. 113—114).

ратуры. Последнее стоит в некоторой связи с работой той типографии, одним из владельцев которой он является.

Эту типографию после своего приезда в Одессу Заславский организует под фирмою «Товарищество» официально вместе с Орловским и, возможно, еще одним лицом. В типографию были вложены как личные средства Заславского, так и средства некоторых революционных народнических групп. Являясь, по словам лично знавшего его М. П. Сквери, «умелым наборщиком»[1]), Евгений Осипович сам работает в типографии. Тут же он и живет в маленькой скромной квартире из двух комнат—с женой и двумя детьми. Рабочие ее—«свои» люди, распропагандированные Заславским. Двое из наборщиков—С. С. Наумов, по прозвищу «Мудрица» (это прозвище он получил от распространявшейся народниками в начале 70-х годов нелегальной агитационной брошюры «Сказка о Мудрице Наумовне»), и Ф. Д. Соколов—впоследствии привлекались по делу «Южно-Российского Союза Рабочих» вместе с Евгением Осиповичем. При этих условиях типография могла сравнительно безопасно печатать революционную народническую литературу. Отсюда и выходит ряд нелегальных брошюр, печатаются здесь и воззвания, распространяющиеся среди одесских рабочих. Полиции этого открыть не удается. По сообщению племянника, Евгений Осипович принимает участие в составлении печатающихся здесь брошюр.

Неясно, касается ли это утверждение только некоторых местных листовок и устава «Союза», в составлении которых Заславский принимает участие, или также некоторых народнических бро-

[1]) М. П. Сквери. «Первая социалистическая рабочая организация» (в сборнике «Южно-Российский Союз Рабочих», стр. 35).

шюр. Для положительного ответа на последний вопрос данных пока нет. Коммерческая сторона типографии поставлена не плохо. При этом рабочие получают здесь жалованья больше, чем в других типографиях. Сам Заславский ограничивается тем, что и на себя тратит не больше, чем получает наборщик.

Работа Заславского позволяет ему близко подойти к одесским рабочим. Тем интереснее вопрос, каковы в это время общественно-политические взгляды Евгения Осиповича. По этому поводу в связи с недавним опубликованием ряда материалов о деятельности Заславского и руководимого им «Союза» в нашей литературе уже высказано несколько разноречивых суждений. М. П. Сквери, товарищ по работе Заславского, считает, что «по некоторым признакам его можно было бы причислить к «лавристам». Доказательство этого автор находит в методах пропагандистской работы Заславского, в его «отрицательном отношении к проповеди бунта»[1]). Наоборот, основываясь на том, что Заславский не пускал в свои кружки ни бунтарей-бакунистов, ни пропагандистов-лавристов, что ударение в деятельности созданной им организации «ставилось... на классовых целях рабочих», т. В. К. думает, что Заславского следует причислить к первым русским марксистам[2]). Промежуточную позицию в этом вопросе занимает т. В. И. Невский. «Нельзя назвать Е. О. Заславского марксистом,—говорит он,—но факт остается фактом—очень скоро он оставил и обычные народнические приемы, и средства организации, и обычное содержание пропаганды. Он не смотрел на рабочих только, как на

[1]) М. П. Сквери, указ. статья, стр. 38—39.

[2]) В. К. «Южно-Российский Рабочий Союз» (в сборн. «Южно-русские рабочие союзы», стр. 67).

материал, удобный для того, чтобы выбрать подходящих людей для будущей работы в крестьянстве. Для него рабочая организация была самодовлеющим делом, организацией, которая ставит совершенно определенные, а не подсобные задачи» [1]).

К народническому движению Заславский действительно относился, как разочаровавшийся в нем. Все народнические группировки начала 70-х годов находят в нем противника. Однако, он сохраняет с ними некоторые связи, посещает собрания пропагандистов-лавристов. С последними по взглядам на характер и значение пропаганды Заславский все-таки сходится. Он говорит о необходимости работать «во всеоружии знаний». Зато по отношению к бунтарям Заславский ведет себя прямо вызывающе. «По его глубокому убеждению,—как передает слышавший это от него П. Владыченко,—бунтарство есть авантюризм, вызванный любовью к сильным ощущениям, свойственною пресыщенным» [2]). Бунтарей он считает аристократами, и одного из посланцев, однажды явившегося к нему для получения связей с рабочими, Евгений Осипович едкими насмешками буквально выживает за дверь. К лавристам его приближает и некоторая «постепеновщина», которую в нем видят или хотят видеть молодые, горячие головы [3]). Но главное, что отделяет его от народников всех направлений, это—взгляд на рабочий класс и его роль в революционном движении. Революционную силу Заславский видит уже не в крестьянстве, а в пролетариате. Он понимает, что новый общественный строй явится

---

[1]) В. Невский. «Первая классовая социалистическая организация рабочих в России». Там же, стр. 10.

[2]) П. В. Владыченко, указ. статья, стр. 102.

[3]) Б. Е. Окольский. «Из воспоминаний» (в сборн. «Южно-Российский Союз Рабочих», стр. 127).

только в результате насильственного переворота, что революция будет «хо-о-рошенькой костоломкой», что «этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их об'единении» [1]). Последнее—главное. Это далеко отводит Заславского от народнических предрассудков. Это приводит его к признанию необходимости классовой борьбы. В его глазах рабочий класс должен организоваться для «борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком» [2]). Эта идея политической борьбы еще вовсе чужда народникам. Она приходит к Заславскому с Запада, где вызывает острую борьбу направлений в рядах Интернационала.

Является ли при всем этом Евгений Осипович марксистом? Возможного знакомства с работами Маркса и марксизмом отрицать у него не приходится. Оно имелось у отдельных представителей народничества. Но принял ли Заславский учение Маркса целиком, судить об этом у нас нет данных, мы, напр., ничего не знаем об отношении Евгения Осиповича к материализму Маркса, не знаем об его взглядах на экономическое будущее России. У нас нет оснований соглашаться с т. В. К., как нет оснований ограничиваться и принятием неверной и узкой характеристики М. П. Сквери. Мы присоединяемся к взгляду т. Невского. Заславский еще не законченный последовательный марксист, но, во всяком случае, перед нами в его лице оригинальный для начала 70-х годов тип русского революционера, значительно эволюционировавшего от народничества в сторону марксистских взглядов на пролета-

---

[1]) Устав «Южно-Российского Союза Рабочих» (в сборн. «Южно-русские рабочие союзы», стр. 101).

[2]) Там же.

риат, его роль в революции и на задачи рабочего движения.

* * *

Вся та работа, которую Заславский ведет в Одессе, начиная с 1872 г., является подготовлением к созданию рабочей организации.

Рабочие кружки образовались на ряде предприятий, в том числе на самых значительных. С 1873 г. ближайшие ученики Заславского приступают к организации в рабочей среде касс взаимопомощи. Эти ссудо-сберегательные кассы, возникавшие на отдельных предприятиях, не всегда даже знали о существовании других об'единений, как это видно из примера образования кассы на чугунно-литейном и механическом заводе Гулье-Бланшарда в мае 1875 г. Инициаторы здешней кассы обращаются за помощью в деле ее организации к Заславскому, который вместе с женою вступает в члены кассы. Марии Григорьевне Заславской, как первой женщине в кассе, рабочие при ее появлении устраивают овацию. Заславский набрасывает для кассы устав, который, однако, не принимается, «потому что цели кассы,—замечает ее участник Сквери,—вероятно, преднамеренно были намечены весьма неопределенно» [1]). Через 3 месяца Заславский предлагает ученикам кассы Гулье-Бланшард присоединиться к существующей в Ростове-на-Дону рабочей организации и образовать «Южно-Российский Союз Рабочих». Предложение это принимается.

Таков был, повидимому, обычный путь присоединения к возникшему уже раньше «Союзу» отдельных групп. Тов. В. К. правильно полагает, что через кружок самообразования, библиотеку,

---

[1]) М. П. Сквери, указ. статья, стр. 42.

потом кассу и лежал путь образования «Союза»[1]). С образованием «Союза» Заславскому удается создать, несомненно, массовую рабочую организацию. Число ее членов доходит до нескольких сот. Одни насчитывают в «Союзе» от 150 до 200 участников[2]), жандармы на основании некоторых показаний исчисляют количество участников цифрой около 300 человек, доносчик Толстоносов рассказывает им со слов одного из рабочих, что в «Союзе» до 500 чел.

С какого же момента «Союз» следует считать возникшим? Мы думаем, что подготовительная работа Заславского, начинающаяся с 1872 г., все же не дает права относить образование «Союза» к этому году. Наиболее правильным будет принять за дату образования «Союза» время его организационного оформления, время появления его устава. Такой устав вырабатывается Заславским. Происхождение его относится еще к 1874 г. Об этом можно судить по тому, что один из учеников Евгения Осиповича, рабочий Н. Наддачин, организовавший в Ростове-на-Дону в 1875 г. библиотеку рабочих Ростовско-Владикавказской жел. дор., был уже знаком с уставом Заславского, покидая Одессу в самом начале 1875 г. Устав вначале носит название «Устава братской кассы одесских рабочих» или же под таким названием Заславский оглашает его на рабочих собраниях, только потом переименовывая организацию в «Южно-Российский Союз Рабочих». Весной 1875 г. он читает его на одном из собраний за городом, при чем доказывает рабочим, что нужны не ссудо-сберегательные кассы, а общество для борьбы с правительством. К осуществлению своей идеи Заславский подводит рабочих исподволь.

---

[1]) В. К., указ. статья, стр. 50.

[2]) М. П. Сквери. «Дело Южно-Российского Союза Рабочих» (в сборн. «Южно-Российский Союз Рабочих», стр. 146.

Устав, принятый рабочими организациями, руководимым Заславским, состоит из 16 пунктов. Из них наиболее важен первый, очерчивающий задачи «Союза».

В нем говорится: «Сознавая, что установившийся порядок ныне не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих.

Что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния.

Что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их об'единении.

Мы, рабочие Южно-российского края, соединяемся в один союз под названием «Южно-Российского Союза Рабочих», поставляя себе целью:

Во-первых, пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов.

Во-вторых, об'единение рабочих Южно-российского края.

В-третьих, для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком».

С «Союзом» Заславский связывает и кассу, указывая во втором пункте устава: «при «Союзе» находится касса, суммы которой в первое время предназначаются для пропаганды идеи освобождения рабочих, а впоследствии и для борьбы за эту идею. Касса составляется из еженедельных взносов (по 25 коп.) каждого члена «Союза». У части рабочих, привыкших связывать с кассой ссудо-сберегательные функции, непонимание встречает 11-й пункт устава, в котором Заславский предусматривает, что «внесенные деньги делаются принадлежностью

целого общества», и что «ни один член не имеет права взять свои деньги обратно».

В члены «Союза» по уставу допускается «каждый трудящийся человек, ведущий близкие сношения с рабочими, а не с привилегированными классами, и сочувствующий своими поступками основному желанию рабочих—борьбе с привилегированными классами во имя своего освобождения». Этот пункт подчеркивает классовый характер организации, отметая от нее мелкобуржуазные по своим взглядам, хотя и революционно настроенные, элементы общества.

Обязанности членов определяются формулой—«один за всех и все за одного». «Каждый член должен быть готов на всякую жертву, если эта жертва требуется для спасения «Союза».

Устав показывает, что Заславский, несомненно, знаком с уставом Интернационала, написанным Марксом [1]). Дает устав и формы организации. Прежде всего, он делит «Союз» на два общества—Одесское и Ростовское.

Уже с 1874 г. ученики Заславского начинают раз'езжаться по ряду городов. Они появляются в Харькове, Николаеве, Севастополе, Керчи, Таганроге, Ростове-на-Дону. Не везде удается им пристроиться на фабрики и заводы. Однако, в некоторых городах работа их идет успешно. В Ростове, где к середине 1875 г. собираются четыре ученика Заславского (Федоров, Эрманов, Н. Наддачин и Сикочин), им удается организовать среди рабочих кружки, кассу и библиотеку. Написанный Н. Наддачиным проект устава библиотеки буквально сов

---

[1]) М. П. Сквери рассказывает, что по рукам рабочих ходила переведенная и изданная под редакцией Ткачева книга Бехера о рабочем вопросе, где в числе приложений он припоминает и устав Интернационала.

падает во многих местах с уставом «Союза». Эта ростовская организация является первым шагом на пути к об'единению рабочих всего «Южно-российского края».

Оба общества по уставу разделяются на кружки. В Одессе кружки были об'единены также в группы, об'единявшие по нескольку кружков одного района или рабочих определенных профессий. Кружки выбирают депутатов, через которых вносятся деньги кассиру общества.

Устав, обсужденный коллективно, отпечатанный в виде брошюры, в 1875 г. широко уже известен рабочим.

Летом этого года еженедельно по субботам, реже по воскресеньям, рабочие члены «Союза» устраивают собрания в трактирах. «Сходки эти,—вспоминает один из их участников,—становились все многолюднее и многолюднее. Рассаживались обыкновенно группами за столиками, обменивались новостями, знакомились. Порой небольшая зала трактира не могла вместить собравшихся; народ толпился у столов, в проходах, удивляя многолюдством видавших всякие виды старых буфетчиков. Наконец, пришлось разделиться: решено было впредь собираться в двух разных местах города» [1]): в Ришельевском трактире и в другом из центральных трактиров собирается до 150 человек.

«Главная притягательная сила» этих собраний—Евгений Осипович. Около него постоянно толпятся рабочие. Он читает и комментирует нелегальную литературу, беседует, ведет споры с проникающими сюда народниками. При этом, как замечает М. П. Сквери, он «старался не выходить из роли советчика и осведомленного лица, легко и охотно отступавшего

---

[1]) П. В. Владыченко, указ. статья, стр. 100.

от своих мнений в случаях разногласий с рабочими». Такие же собрания происходят и за городом. Осенью сходки прекращаются, начинаются собрания депутатов. Иногда собрания происходят на квартире у Евгения Осиповича. Здесь он часто раздает собравшимся нелегальную литературу.

Заславский распространяет не только обычные для того времени народнические агитационные брошюры. Находясь в сношениях с заграничной революционной эмиграцией, он аккуратно получает оттуда номера как издающегося в Лондоне П. Л. Лавровым журнала «Вперед», так и первой русской газеты для рабочих «Работник», выпускаемой бакунистами в Женеве. Получает он и эмигрантские непериодические издания по рабочему вопросу [1]). Свою переписку с редакцией «Вперед» он ведет через члена «Союза» Ляховича, служившего кочегаром на одном из пароходов. Ляхович перевозит и литературу для Заславского. На ряду с этим Евгений Осипович искусно подбирает для распространения среди рабочих издания, выбирая из них те, которые затрагивают вопрос о положении рабочих.

Одной агитацией и пропагандой Заславский не ограничивается. И он и его ученики толкают рабочих на борьбу за свои права. Когда в начале 1875 г. администрация завода Гулье-Бланшард не платит рабочим за сверхурочную работу, члены «Союза» бланшардовцы составляют воззвание, призывающее рабочих к протесту и к вступлению в «Союз». Заславский печатает его в своей типографии, рабочие распространяют его на заводе. Начинается забастовка, и администрация уплачивает требуемое.

[1]) При обысках членов «Союза» был найден жандармами экземпляр цюрихского издания «Историческое развитие Интернационала», т. II.

Такого рода выступления «Союза» пока еще единичны. Он переживает еще только стадию пропаганды и организации, но не руководства пролетарской борьбой. И для Заславского и для окружающих его борьба рисуется только «в будущем».

В рядах «Союза» в том же 1875 г. намечается некоторый разлад. Евгению Осиповичу приходится увидать опасность раскола, грозящую со стороны народников. Народническая пропаганда проникает и в среду членов «Союза». На собраниях поднимается вопрос о пропаганде среди крестьянства. Говорят о «хождении в народ», решают, чтобы связанные с деревней рабочие переселялись туда на постоянное жительство, предполагают организовать крестьянство на аналогичных «союзных началах»[1]). В дальнейшем из этих разговоров ничего не вышло, но «Союз» одобряет этот план. К сожалению, у нас нет данных, чтобы судить, как отнесся к нему Заславский. В уставе «Союза» нигде не упоминается о крестьянстве, и вряд ли Евгений Осипович склонен был повторять свои недавние опыты, но в большем масштабе. Но, вероятно, он следовал своему принципу не возражать, если рабочие настаивали. Для нас важно отметить, что за всеми этими разговорами о работе среди крестьянства чувствуется проникновение в «Союз» народнического влияния. Против этого Заславский не может не бороться. Он решительно не допускает революционную интеллигенцию на собрания «Союза». «Если кто-либо из интеллигентов,—замечает М. П. Сквери,—случайно попадал к нам на сходки, он начинал волноваться, утрачивал свое обычное спокойствие, и сходка каким-то непонятным и не-

---

[1]) М. П. Сквери. «Первая социалистическая рабочая организация», стр. 29, 46.

ожиданным образом наполнялась шумным и горячим спором»[1]). Однако, некоторые из участников «Союза» настаивают на привлечении интеллигентов; отказы Заславского дают повод к толкам, обвиняющим его в «генеральстве». Заславский отвечает на них требованием суда над собою. Суд происходит на одном из осенних собраний за городом. Собирается до 200 рабочих. Часа два Евгений Осипович отражает все обвинения. Собрание заканчивается его победой, и рабочие с триумфом провожают его в город.

Опасность все же еще не изжита. «Бунтарство», занесенное в Одессу, находит себе все больше последователей. Многим рабочим успела прискучить пропаганда, их тянет к революционным действиям. и в ряде кружков, являющихся оплотом «Союза», начинается переход к «бунтарям». Откалывается около 50 чел. «Моральное единство, дух живого братства, которые с таким ревнивым вниманием и самоотвержением насаждал и лелеял Заславский,— вот что было потрясено... Заславский невероятно страдал от всего этого»...

Годы одесской работы Евгения Осиповича обнаруживают блестящие способности его, как организатора. Подвижной, общительный, производящий обаятельное впечатление, он оказывает на окружающих влияние, которое «было необычайным»[2]). Таким рисуют Заславского воспоминания его учеников и родных. Он не красноречивый оратор, речей не произносит, но его тихая, сдержанная беседа глубоко запечатлевается в памяти рабочих. Его они любят и шутливо зовут «кацапом». Не может он не привлекать и скромностью как в наружности, так и во всем образе жизни.

---

[1]) Там же, страница 47.

[2]) Б. Е. Окольский, указ. статья, стр. 127.

В эти три года Заславский—не только любимец одесских рабочих, он—их вождь.

* * *

В конце 1875 г. «Союз» проваливается.

В начале декабря машинист парового отопления станции «Куликово» П. Толстоносов доносит жандармам о существовании «Союза» и доставляет им ряд нелегальных изданий, распространявшихся между членами. Начинаются аресты, продолжающиеся вплоть до февраля следующего года.

22 декабря (3 января) 1875 г. арестовывают Евгения Осиповича. В момент обыска на его квартиру с важными письмами приходит член «Союза» слесарь Спирин. Из передней он слышит в квартире звон жандармских шпор. Отступать невозможно, и Спирин со случайно бросившейся в глаза у двери парой ботинок в руках разыгрывает роль сапожника, требующего отдать долг. Жандармы гонят его вон. Это дает возможность предупредить значительное число лиц. Кое-кому удается скрыться. Все же число арестованных переваливает за 60: некоторые из задержанных на дознании не выдерживают и выдают жандармам ряд товарищей.

Мест заключения нехватает, и Заславского с несколькими товарищами помещают в камерах, устроенных в Киевской гостинице. Здесь Евгению Осиповичу невольно приходится пережить ряд очень тяжелых дней. Жандармы, стремясь добиться сознания со стороны арестованных рабочих, убеждают их на прогулке, у двери камеры Заславского. Он слышит, как в конце-концов некоторые сознаются. Это не может не произвести на него тяжелого впечатления. Он делается молчаливым, перестает переговариваться с соседями, разговаривать

с надзирателями, прекращает выходить на прогулки. К весне у него обнаруживаются признаки психического расстройства. Свидетельствующий его врач находит, что Евгений Осипович страдает «душевной болезнью веселого бурного помешательства». Его переводят в Одесский тюремный замок, а оттуда в августе 1876 г. отправляют для нового освидетельствования в Петербург. Судебные власти сомневаются в болезни Заславского и предполагают симуляцию с его стороны, «может быть, с целью облегчения для себя побега в дороге».

Этот вопрос интересен и для нас. Воспоминания П. В. Владыченко как-будто подтверждают справедливость подозрений судебной власти. «Заславский говорил, что в случае ареста он считает самым целесообразным прикинуться сумасшедшим, дабы таким путем попасть в психиатрическую лечебницу на испытание и потом, улучив минуту, оттуда скрыться, чтобы через некоторое время завести новое дело на новом месте»[1]). В Петербурге Евгения Осиповича свидетельствуют еще несколько раз, помещают на испытание в психиатрическую больницу. Подозрения в симуляции остаются в прежней силе, и Заславский в конце-концов занимает место на скамье подсудимых. Вопрос о том, действительно ли все пережитое им в первые месяцы ареста привело к душевной болезни, или же Заславский осуществлял свое давнее намерение,—так и остается загадкой.

Жандармское дознание заканчивается в июне 1876 г. Начинается судебное следствие. Начальник одесского жандармского управления давно уже беспокоится, что «энергичные и полные жизни главные деятели обнаруженной здесь революционной организации предстанут на суд измученными

[1]) П. В. Владыченко, указ. статья, стр. 104.

долгим одиночным заключением,—жертвами, способными вызвать сострадание» [1])... Только в феврале 1877 г. особое присутствие сената предает суду 15 человек во главе с Евгением Осиповичем.

23 мая (4 июня) 1877 г., почти через 1½ года после начала арестов, в Петербурге в особом присутствии сената начинается разбор дела. На скамье подсудимых сидят два интеллигента (Заславский и Сквери) и 13 рабочих. Их обвиняют в составлении общества, имевшего целью «в более или менее отдаленном будущем насильственно ниспровергнуть существующий государственный порядок», и в распространении книг, «возбуждающих к бунту и явному неповиновению верховной власти». Процесс ведется при закрытых дверях. В зале по билетам присутствует не больше 25 человек. За креслами судей сидит, наблюдая процесс, романист И. С. Тургенев. Отчета о процессе правительство в газетах не опубликовывает, и только в заграничном «Вперед» Лаврова появляется обвинительный акт по делу.

«Тускло и неприметно прошло это негромкое дело среди ярких процессов, приковывавших всеобщее внимание, как дело «193-х» и процесс «50-ти».—вспоминает один из бывших подсудимых.—Не было пламенных речей и громких дел; среди участников не было видных, колоритных фигур, способных сосредоточить на себе внимание, вызвать удивление или восторженное сочувствие. На скамье подсудимых молчаливо сидели рабочие—слесаря, литейщики, кузнецы, наборщики—и среди них только один скромный, молчаливый, больной интеллигент не первой молодости» [2]).

---

[1]) Донесение начальника Одесского жандармского управления (в сборн. «Южно-русские рабочие союзы», стр. 89).

[2]) М. П. Сквери, указ. статья, стр. 25.

Ответив отрицательно на вопрос о виновности, все остальное время Заславский на суде молчит. Только в конце заседания он заявляет, что посещал рабочие собрания с научной целью, присутствовал пассивным зрителем для теоретических выводов. Но почти целиком посвящает Заславскому свою обвинительную речь прокурор. «Настоящее дело есть дело рук его одного»,—указывает он на Евгения Осиповича [1]). От последнего слова Заславский, как и все почти его товарищи, отказывается.

Приговор суров. За пропаганду среди рабочих—лишение всех прав состояния и ссылка Заславского в каторжные работы в крепостях на 10 лет. Но Заславский—дворянин, и по закону приговор в отношении его, как дворянина, должен быть представлен на утверждение царя.

Александр II лично знал Заславского через свою морганатическую супругу, княжну Долгорукову, бывшую подругой сестры Евгения Осиповича. Он интересовался этим делом с момента начала дознания. Приговор сената он утверждает.

Евгений Осипович остается стойким. Но жена его в июле 1877 г. подает царю прошение о помиловании больного мужа. При помощи связей удается добиться сокращения срока каторги на 4 года. В виду болезни Евгения Осиповича, Заславская вторично просит о замене каторги ссылкой на поселение. Заславского в это время отправляют в Сибирь. С дороги из-под Петербурга его в феврале 1878 г. возвращают, в виду подачи женой второго прошения, которое поддерживает сенат. Снова тянутся дни ожидания. В мае царь снисходит на просьбу Заслав-

---

[1]) Суд одесских рабочих (в сборн. «Южно-русские рабочие союзы», стр. 170).

ской и заменяет Евгению Осиповичу каторгу ссылкой в Томскую губернию.

Но уже поздно. 2½ года тюрьмы подорвали организм Заславского. Меньше, чем через месяц, 13/25 июня 1878 г. Евгений Осипович погибает от туберкулеза в петербургской тюремной больнице. Через два дня вдова хоронит выданный ей труп на католическом кладбище.

Вокруг смерти Заславского сложился ряд легенд. Одни уверяли, что он умер в ссылке, другие утверждали, что на пути в Сибирь он был отравлен неизвестно кем, третьи—что смерть настигла его в психиатрической больнице в Казани, где его будто бы поместили по дороге в ссылку.

* * *

Что же сталось с начинаниями Заславского?

Типография его после ареста была закрыта по предписанию градоначальника.

«Союз», однако, погиб не сразу. Меняя программы, он еще продолжает существовать некоторое время. По словам М. Сквери, вскоре после разгрома уцелевшие члены «Союза» образовывают второй «Союз», но с новым уставом. Его ликвидируют частичные аресты. Второй «Союз» имел уже некоторые связи с народовольцами[1]). Известный предатель В. Меркулов в 1881 г. рассказывал, что в одесский «Союз» он вступил в 1876 г. «Союз», по его словам, распался на кружки, на ряду с существовавшими возникали новые. Все они продолжали существовать до 1881 г. [2]). Еще одна попытка создания «Союза» в Одессе связана с именем П. Б.

---

[1]) М. П. Сквери, указ. статья, стр. 25.

[2]) Показания Меркулова (в сборн. «Южно-Российский Союз Рабочих», стр. 173—174).

Аксельрода. Все эти организации стоят в тесной связи с «Союзом» Заславского, давшего толчок рабочему движению в Одессе. Персонально в них входят многие из членов первого «Союза».

Существование «Южно-Российского Союза Рабочих» не прошло бесследно не только для одесского, но и для всего русского рабочего движения. Для многих деятелей этого движения «Союз», созданный в Одессе, был революционной школой. Прошел через эту школу Заславского и будущий основатель «Северно-Русского Рабочего Союза» В. П. Обнорский, работавший в Одессе в 1873—74 г.г.

«Южно-Российский Союз Рабочих» был первой в России социалистической массовой рабочей организацией. Заславский был его вдохновителем и руководителем. В этом его историческая заслуга перед рабочим классом России, это дает ему право на почетное место в ряду борцов за пролетарское дело.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН и ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ.
Адрес конторы издательства: Москва, Лубянский пас., 32. Тел. 3-64-73.
Склад изданий: книжн. склад «Маяк»: Москва, Петровка, 7. Тел. 3-63-20.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1926 год

НА ЖУРНАЛ,

посвященный истории революционного движения в России до падения царизма

8 КНИГ В ГОД | **„КАТОРГА и ССЫЛКА“** | **8 КНИГ В ГОД**

(Историко-революционный вестник)

Под общей редакцией **В. Д. Виленского-Сибирякова.**

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ:

М. А. Брагинского, Е. Н. Ковальской, Б. П. Козьмина, Феликса Кона, М. Ф. Фроленко, Н. Ф. Чужака-Насимович и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1. Из истории революционного движения. 2. Каторга, тюрьма, ссылка и эмиграция. 3. Лики отошедших. 4. Библиография. 5. Хроника. Иллюстрации.

Размер каждого номера 16—19 листов, что составит в год свыше 150 листов.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

На 1 год (8 книг)—**12** р.; на $^1/_2$ г. (4 кн.)—**6** руб. **50** к.; на 3 мес. (2 книги)—**3** руб. **50** коп.

Цена отдельного номера 2 рубля.

Комплект журнала за 1925 год высылается за 13 рублей.

Полных комплектов за предыдущие 1921—1924 годы не имеется. Имеющиеся в ограниченном количестве неполные комплекты отпускаются только подписчикам на 1926 год **по цене 12 рублей, с пересылкой 13 рублей.**

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

журнала

„КАТОРГА и ССЫЛКА“

за 1925 г.

состоит из 30 книжек (52 номера), размером 16—128 стр. каждая, всего свыше 850 стр.

1. **Вл. Виленский-Сибиряков**—Кровавое воскресен. (9 янв.) 3 изд. . . . . 5 к.
2. » » —Ленин в сибирской ссылке. 3 изд. . . . . 5 к.
3—4. **С. П. Швецов**—Провокатор Окладский. 2 изд. . . . . 15 к.
5. **Билибин**—Орловский централ . . . . . 5 к.
6—7. **М. Ф. Фроленко**—«Милость» . . . . . 10 к.
8. **Каллистов**—Тобольский централ . . . . . 10 к.
9—10. **Андрей Соболь**—«Колесуха». Амурск. колес. дорога 10 к.
11. **М. Ф. Фроленко**—1881 год . . . . . 5 к.
12. **Н. Подвойский**— Первый Совет Рабочих Депутатов . . 5 к.
13—14. **А. Капгер**—Верхоянская ссылка . . . . . 10 к.
15—19. **Н. М. Дружинин**—Кто были декабристы и за что они боролись? 2 дополн. и испр. изд. . . . . 40 к.
20—21. **Я. Свердлов**—Царская ссылка за десять лет (1906—1916 гг.) . . . . . 10 к.
22—23. **Вл. Виленский-Сибиряков**—Два юбилея (1825 и 1905 гг.) . . . . . 10 к.
24—25. **С. Сибиряков**—Г. И. Котовский . . . . . 10 к.
26. **В. Алексеев**—Николай I и декабристы . . . . . 5 к.
27—29. **Е. Закс**—Побеги русских революционеров . . . . . 15 к.
30—31. **С. Я. Штрайх**—П. Г. Каховский . . . . . 10 к.
32. **С. Я. Штрайх**—К. Ф. Рылеев . . . . . 5 к.
33. **В. Н. Фигнер**—М. В. Новорусский . . . . . 5 к.
34. **С. Я. Штрайх**—М. П. Бестужев-Рюмин . . . . . 10 к.
35—36. **И. Коган**—Декабрьское восстание в Москве 1905 г. 10 к.
37. **К. Беркова**—С. М. Кравчинский (Степняк) . . . . . 5 к.
38—39. **М. Клевенский**—С. И. Муравьев-Апостол . . . . . 10 к.
40—41. **Ю. Бочаров**—Севастопольское восстание 1905 г. . . 10 к.
42—45. **А. Соболь**—«Давай, улетим...» Пьеса из жизни каторжан на «Колесухе» . . . . . 30 к.
46. **И. Коган**—Погромы в дни свобод . . . . . 5 к.
47—48. **Н. Дружинин**—Петербургский Совет Рабочих Депутатов . . . . . 10 к.
49. **В. Фигнер**—Жены декабристов . . . . . 10 к.
50—51. **Маркелов**—П. И. Пестель . . . . . 10 к.
52. **И. Коган**—Карательные экспедиции 1905 г. . . . . 10 к.

Цена полного комплекта Дешевой Библиотеки журнала «Каторга и Ссылка» за 1925 г.—2 р. 50 к. без пересылки, 2 р. 75 к. с пересылкой.

Подписку направлять в Контору Издательства Всесоюзного О-ва политкаторжан: г. Москва, Лубянск. пассаж, 32. Телеф. 3-64-73.